

Аналитическая

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2

ИДЕОЛОГИЯ: ФОБИИ И ОЖИДАНИЯ

А. В. Жукоцкая

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,
ZHukotskayaAV@mgpu.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-9382-7757](https://orcid.org/0000-0002-9382-7757)

Аннотация. В статье актуализируется проблема идеологии и выбора идеологии, для этого предлагается взглянуть на феномен идеологии в широком контексте: как интерпретация любых идей — художественных, религиозных, философских, мифологических и др., и в более узком понимании — как политической идеологии. Автор раскрывает существенные черты идеологии, показывая, что потребность общества в идеологии является объективной, что идеология не только манипулятивный механизм, но и мощный фактор активности людей. Автор отмечает, что идеология носит не только политический, но и ценностный характер. В связи со многими распространенными идеологическими фобиями автор обращает внимание на общие черты идеологии и образования как факторов социализации. В статье подчеркивается, что именно идеология, политическая идеология в частности, во многом определяет стратегии поведения субъекта и социальных групп в социальном пространстве и времени, а адекватность реакции субъекта и социальной группы на события и ситуации во многом определяется уровнем критического мышления и здравого смысла. В статье также отмечается, что этику ответственности не следует отделять от идеологии.

Ключевые слова: идеология, интерпретация, политическая идеология, образование, социализация, манипуляция, идеологофобия

Для цитирования: Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 17–28. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2

Analytical

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2

**IDEOLOGY:
PHOBIAS AND EXPECTATIONS****Alexandra V. Zhukotskaya**

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

ZZhukotskayaAV@mgpu.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-9382-7757](https://orcid.org/0000-0002-9382-7757)

Annotation. The article actualizes the problem of ideology and the choice of ideology, for this it is proposed to look at the phenomenon of ideology in the broad and narrow sense of the word. In the broad — as an interpretation of any, not only political ideas — artistic, religious. Philosophical, mythological, and so on. In a narrow sense — we are talking about political ideology. The author reveals the essential features of ideology, showing that society's need for ideology is objective, that ideology is not only a manipulative mechanism, but also a powerful factor in the activity of people. The author notes that ideology is not only political, but also value-based. In connection with many common ideological phobias, the author draws attention to the common features of ideology and education as factors of socialization. In addition, the article emphasizes that it is the ideology, political ideology, in particular, that largely determines the orientation of the subject and social groups in social space and time, and the adequacy of the reaction of the subject and social group to events and situations is largely determined by the level of critical thinking and common sense. The article also notes that the ethics of responsibility should not be separated from ideology in both a broad and narrow sense.

Keywords: ideology, interpretation, political ideology, education, socialization, manipulation, ideologophobia

For citation: Zhukotskaya, A. V. (2022). Ideology: phobias and expectations. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 17–28. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.2>

Введение

Спустя несколько десятилетий в духовной жизни России вновь актуализировалась проблема идеологии. Недавно состоялся круглый стол Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), в рамках которого прошла философская дискуссия о том, нужна ли России новая идеология и какой она должна быть. Участники круглого стола высказали разные позиции по проблеме идеологии в современной России. Например, руководитель экспертного совета ЭИСИ Глеб Кузнецов полагает, что все-таки не следует возвращаться к слову «идеология», а надо сконструировать некий

набор ценностей, который позволил бы стране развиваться далее. К ним отнесены патриотизм, солидарность, суверенитет и др. Если же и говорить об идеологии, то в терминах социальной идеологии. Прозвучали и иные мнения: так, Ф. Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», считает, что национальные интересы и задачи неразрывно связаны с идеологией и для того чтобы определиться с национальными задачами, надо определиться с местом России в глобализационной системе и уникальностью нашей страны. Прочно связывает идеологию с деятельностью политических партий философ и политолог А. Козырев. Он считает, что вопрос глобальных идеологий давно не стоит на повестке дня, а политическую идеологию следует рассматривать как инструмент конкретной политики. Если же говорить об идеологии, то в терминах национальной стратегии, также считает М. Ремизов, президент Института национальной стратегии, делая акцент на национальной самобытности и уникальности России. О. Матвейчев высказал идею о необходимости не только сильной экономики, но и сильной культуры, которая, по его мнению, является составной частью национальной стратегии и идеологии [Философы обсудили российскую идеологию..., 2022].

Постановка проблемы

Проблема идеологии чрезвычайно разнопланова и включает в себя множество аспектов: от национального сознания, национальной идентичности и самоидентичности россиян до сценариев развития будущего страны, роли и миссии России в мире. Многие исследователи феномена идеологии полагают, что мы вступили в исторический этап «реабилитации» и возврата идеологии [Щипков, 2020]. Так что же случилось? Почему наконец-то снято табу на слово «идеология», которое еще 30–40 лет назад пользовалось всеобщим одобрением, а сам феномен считался чуть ли не фундаментальным основанием социально-гуманитарного знания? Вспомним, что в статье 13 Конституции заявлено о невозможности в РФ общеобязательной (т. е. государственной) идеологии [Конституция Российской Федерации...]. Но означает ли это фактическое отсутствие всякой идеологии в стране или идеология/идеологии все-таки есть, но они не артикулированы так жестко, как была артикулирована идеология коммунистической партии? И так ли уж страшна идеология? Может ли быть такое, что идеологофобия, с одной стороны, или полная деидеологизация — с другой, окажутся опаснее, чем сама идеология?

Предметом исследования в данной статье является феномен идеологии в широком и узком смысле (как политическая идеология), ее ценностный характер и социализирующая функция, а также связь идеологии и образования.

Методологией выступает системный подход, универсальные методологические процедуры редукции, репрезентации и интерпретации, а также

компаративистский анализ феномена идеологии. В анализе феномена идеологии также использовался принцип социокультурной детерминации явления, позволивший рассматривать феномен идеологии в культурном и политическом контексте.

Результаты исследования

Понятие «идеология» широко и неопределенно, но при всей его многозначности очевидно, что в широком смысле речь идет о феномене интерпретации бытия, а в узком — используется привычное для нас значение политической идеологии. Тезис Д. Белла о «конце идеологий», выдвинутый в середине XX века и сильно повлиявший на духовную и политическую культуру Запада, в нашей стране оказался востребованным лишь после распада Советского Союза и укрепился на так называемом постперестроечном пространстве. Но так ли уж опасна идеология, чтобы ее считать «падшим словом и греховным делом» [Bell, 1988, p. 213]? Идеология как система идей и концепций и политическая идеология — это фундаментальные категории XX и XXI вв. В фундаментальных категориях всегда отражаются фундаментальные процессы, поэтому избавиться от слова еще не означает избавиться от самого феномена. Если оставить за скобками дебаты вокруг самого понятия «идеология» (иллюзорное отражение бытия, научная/ненаучная, мифологические системы и т. д.) (см., например: [Жукоцкая, 2014; Идеология..., 2017]), то придется признать, что идеология так или иначе, но присутствует во всех социально-политических науках, поэтому Р. Бодон и называл идеологию «клеем общественных структур» [Boudon, 1989, p. 11]. Очевидно, что идеология как любой социальный феномен, носит еще и ценностный характер: в любой идеологии всегда можно разглядеть набор доминирующих в обществе ценностей. Так стоит ли бояться того, без чего общество вообще существовать не может, — имеется в виду без идей, концепций, гипотез и теорий, в которых происходит осмысление общественной жизни и обозначаются некоторые перспективы? Для всех очевиден факт, что общество развивается и изменяется, всем интересен ответ на вопрос «Куда мы идем»? Ответ содержится не только в научных исследованиях социально-философского толка, но и в существующей идеологической системе, даже если она официально не сконституирована. Итак, опасна ли идеология и откуда возникают идеологические фобии?

Нет никаких сомнений, что в современном информационно-цифровом обществе особенно ярко проявляются властная и манипулятивная функции идеологии. На наш взгляд, во многом это обусловлено тем, что существующее цифровое общество находится в постоянном напряжении. С одной стороны, в условиях функционирования глобальных массмедиа мажоритарные этносы постоянно усиливают свое давление на культуру и политику, чтобы укрепить

и поддержать культурную идентичность, с другой — на сохранение культурной идентичности, языка законно претендуют и миноритарные этносы. Кроме того, постоянно происходит процесс трансформации традиционной ценностной картины мира [Хилханов, Хилханова, 2021]. Воздействие политической идеологии на массовое и индивидуальное сознание через каналы массмедиа, социальные сети в современном обществе настолько сильно, что мысль о чрезвычайной опасности и разрушающей, деструктивной силе идеологии не кажется невероятной. Агрессивная, насыщенная идеологемами, пропагандистскими штампами политико-идеологическая лексика еще одно тому подтверждение. И все-таки, прежде чем делать поспешные выводы, стоит разобраться в сущности самого феномена идеологии и ее имплицитного присутствия не только в индивидуальном и массовом сознании, но и в различных аспектах общественной жизни, в том числе и в сфере образования.

На первый взгляд, феномены идеологии и образования не имеют ничего общего и даже дихотомичны. Ценностно-смысловое пространство образования и идеологии всегда по-разному оценивается. Образование всегда в положительном коннотате, а идеология (как правило, подразумевается политическая идеология) — в отрицательном. Тем не менее общее между ними есть. Они выполняют важнейшую для общества и человека функцию — социализирующую. Но если для образования эта функция очевидна, то почему-то при анализе идеологии ею, как правило, пренебрегают. Традиционно считается, что сфера образования — одна из самых важных для формирования мировоззренческих основ, ценностей и смыслов будущего взрослого гражданина. Но разве идеология в широком смысле как система художественных, религиозных, научных и даже мифологических идей не участвует в формировании мировоззренческой позиции? А в узком смысле политическая идеология разве не является репрезентантом идей патриотизма, гражданственности, социальной и политической ответственности? И здесь можно пойти двумя путями: сформировать стойкую неприязнь к феномену идеологии вообще, и политической — в частности, вплоть до фобии, либо пойти по пути разъяснения сути этого явления, его особенностей, показывая не только минусы, но и плюсы идеологии как формы отражения бытия. Именно тогда будет видно, что идеология также обладает социализирующей функцией и мировоззренческим потенциалом. Дело-то не в самих феноменах образования и идеологии, а в том, как они интерпретируются на уровне власти, государства и репрезентируются через массмедиа. В этом контексте безусловный интерес приобретает проблема соотношения и взаимодействия идеологии и образования. Основной вопрос может быть сформулирован так: ограничивает ли идеология содержание образовательного процесса или само образование может поставить границы идеологии? (см. об этом: [Жукоцкая, Козловская, 2012, с. 278–281]). В разные временные и политические эпохи для нашей страны доминанты в этом странном союзе образования и идеологии расставлялись по-разному. В послереволюционное время, безусловно, система образования и его содержание контролировались

партийной революционной идеологией. П. Сорокин в статье «Современное состояние России» (1922, Прага) отмечал: «Уже с 1919 г. началась эпопея “реформы” и “обновления” высшей школы. Как и в средней, здесь каждое полугодие приносило новую реформу и усиливало развал. Было бы долго рассказывать обо всем этом. Основное задание в изменении преподавания сводилось к “коммунизации”. В специальном декрете в 1920 г. было объявлено, что “свобода научной мысли” — предрассудок, что все преподавание должно вестись в духе марксизма и коммунизма как последней и единственной истины» (см. об этом: [Сорокин, 1992]). Содержание образования в середине XX в. в нашей стране также было предельно идеологизировано. Это касалось образования всех уровней: как школьного, где активно происходило государственно-идеологическое «освоение» истории и литературы, с опорой на принципы пролетарского и партийного гуманизма, так и высшего. А. Касьян в статье «Университет: образование и идеология (середина XX века)» отмечает, что «дискуссия по философским вопросам физики в Советском Союзе — это нечто совершенно иное, чем аналогичная дискуссия в другом социально-культурном контексте. Вопросы философской интерпретации физики имели прямое отношение к идеологии, а значит, к политике» [Касьян, 2005]. Далее он пишет: «Ситуация с физикой в ГГУ (Горьковский государственный университет) отразила существовавший в СССР подход к трактовке отношения философии и науки. Причем это не столько теоретический подход, чисто теоретическая позиция по отношению к двум видам культуры, сколько государственная точка зрения, обусловленная особым статусом философии в СССР. Марксистская философия входила в государственную идеологическую систему, существовавшую в стране, была ее составной частью. Поэтому любые философские дискуссии — это не движение в сфере чистой мысли, а государственное дело» [Касьян, 2005]. Дальнейшие метаморфозы взаимодействия идеологии и образования нам хорошо известны. В 90-х гг. XX в. в результате стремительного демонтажа тоталитарного строя идеология была изгнана из образовательного пространства нашей страны. Отметим, что лишь в 2021 г. была возобновлена подготовка высших профессиональных кадров по философии по специальности 5.7.7. Социальная философия и философия политики. Результатом изгнания идеологии стал совершенно новый пласт проблем. Идеологическая ниша осталась незанятой, привычные стереотипы сломались, и в освободившееся пространство хлынул поток мракобесия, мистики, иррационализма, экзотических идей. Даже взрослому человеку, оказавшемуся в условиях мировоззренческого вакуума, трудно адаптироваться в разрушенном идеологическом и ценностном пространстве. Что уж говорить о молодежи, которая оказалась в ситуации ценностной, идеологической и мировоззренческой неопределенности. Все это явилось основанием морального и ценностного релятивизма, формированием «скрытой культуры», которая отличалась еще более мифологизированным и иллюзорным сознанием. Результат этого процесса мы наблюдаем сейчас — разные поколения вновь «требуют» идеологии.

С этим мы вошли в новое, так называемое цифровое общество. Казалось бы, вот она, полная свобода от идеологии. Но и здесь торопиться не следует. Ранее мы уже отмечали имманентно присущий идеологии манипулятивный характер. Вроде бы «сетевой» человек или, как говорят, «немассовый» человек, погруженный в Интернет, обладает определенной автономией, выбор информационного контента у него ничем не ограничен, и поэтому он должен быть менее подвержен манипулированию. В этом смысле, казалось бы, и идеология теряет объект своего воздействия. Но вряд ли это так на самом деле. Информационная анархия иллюзорна (см. об этом: [Алексейчева и др., 2021, с. 5–13]). Любое общество, как бы мы его ни называли — коммуникативное, цифровое, информационное или как-то иначе — это все равно система. Главными элементами этой системы являются люди, а потом уже технологии. Общество, даже цифровое, не существует вне и без механизмов управления, без государства, власти <...> а, значит, и без идеологии. Конечно, иными могут быть методы, формы, приемы, способы трансляции идей, но сами-то идеи (религиозные, политические, художественные, философские и т. д.) никуда не денутся (см. об этом: [Жукоцкая, 2019]). Идеологии как феномену духовной жизни общества для существования нужна только антропогенная среда, то есть человеческое общество (см. об этом: [Жукоцкая, 2019]). Техногенная форма этого общества может быть любой, от нее будут зависеть, как мы уже отметили, лишь формы идеологического воздействия, усложняясь и дифференцируясь по мере усложнения самой общественной системы (см. об этом: [Жукоцкая, 2019]). Мы начинали наши рассуждения с вопроса: насколько опасна идеология, учитывая ее манипулятивный, мировоззренческий, ценностный характер? Ответ: не менее опасна, чем образование. П. Бурдые, например, считал, что «внушение смыслов» социальных процессов можно делать и в процессе получения образования. Этим же занимаются и идеологи, и пропагандисты, и даже социологи при опросах общественного мнения. Во всех этих практиках манипулятивные методы могут рассматриваться как методы объективации социального мира [Жукоцкая, 2009]. Но образования мы не «боимся», а только приветствуем. Почему же идеология вызывает у нас такие опасения? Еще раз отметим, что опасны не сами идеи, а то, как они интерпретируются и затем объективируются в социальные практики. Поэтому А. Щипков отмечает, что «нет никаких реальных оснований для идеофобии — боязни идеологичности как таковой, недоверия к ней. По вине идеофобии рамки понятия “идеология” сегодня критически заужены» [Щипков, 2020].

Мнение, что идеология и образование — антиномия, вроде «истины» и «заблуждения», на мой взгляд, методологически безграмотно и опасно. Неверно расставленные акценты приведут либо к желанию «деидеологизировать» образование, что мы уже наблюдали, либо к его реидеологизации, что мы наблюдаем сейчас. Здесь мы возвращаемся к началу нашего разговора о том, что объединяет идеологию и образование. Мы уже отметили ранее,

что они выполняют социализирующую функцию. Призыв «освободить» образование от идеологии касался в основном ряда политических идей, которые долго господствовали в системе особенно социально-гуманитарного образования. Не стоит отрицать, что «советская эпоха сформировала искаженное представление об идеологии, и этим не преминули воспользоваться уже те, кто пришел на смену советским идеологам. Более 30 лет нас учили видеть в идеологии некую “теорию всего”, научно-философскую доктрину, претендующую на объяснение мира и человека. Мы были похожи на ребенка, которому показали черного лебедя или бесхвостую обезьяну и заставили поверить, что все лебеди черные, а все обезьяны — бесхвосты. Но идеология не родилась и не закончилась вместе с научным коммунизмом, ее исторические формы гораздо шире» [Щипков, 2020].

На наш взгляд, абсолютная идеологическая нейтральность образовательного процесса — это что-то из области мифологии. Вряд ли это возможно в силу ряда обстоятельств. Во-первых, любой субъект (и учитель и ученик) — это всегда интерпретаторы идей, в том числе и политических. Во-вторых, для обучающего субъекта выбор мировоззренческой позиции, дидактических концепций, набор ценностных установок и т. д. детерминированы, в свою очередь, философскими, религиозными, художественными, политическими и иными идеями и предпочтениями — а это тоже идеология, если рассматривать ее широкий контекст. В этом смысле рассматривать идеологию следует все-таки как формообразующую деятельность, поэтому и концепция «всестороннего развития личности», и идея «социально ориентированного и адаптационного образования», и система «открытого обучения», и «деятельностного подхода», и идея «инновационного образования», «компетентностного» обучения и многие другие, названия которым еще не придумали, это не что иное, как идеологические (в широком понимании этого термина) образовательные доктрины.

Сейчас существует объективный заказ на человека, который одинаково успешно может сориентироваться в ситуации неопределенности и быстрых перемен, умеющего адекватно оценить текущие события и предвидеть будущие вызовы, остающегося при этом личностью творческой и критически мыслящей. Задача сложная, но она обусловлена социально-экономической и идеологической потребностью сегодняшнего дня. По мнению М. Бахтина, «ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [Бахтин, 1961, 1996]. Несмотря на то что искушение «покончить с идеологией» будет всегда сопровождать движение социальной мысли, не стоит торопиться это делать. Лучше вспомнить, что через феномен идеологии (и в широком, и в узком смысле этого слова), как и через другие социальные феномены (религия, образование, искусство и т. д.), проявляется наша ментальность, наш культурный код. «Подлинная, живая идеология формируется в поле национального дискурса и всегда учитывает реальный опыт народа. В ней отражены культурный образ героя и образ врага, образ истории

и мировой культуры, образ человечества и его проблем, наконец, свой собственный словарь» [Щипков, 2020]. Особенность нашего культурного кода такова, что в нашем национальном сознании всегда огромную, гипертрофированную роль играл образ государственной власти и государственной идеологии. Опыт предыдущих десятилетий показал, что стремительно разрушить прежнюю идеологию не так уж и трудно. Но оказалось, что заменить-то ее нечем. Попытки сконструировать какую-то иную идеологию («идеологию выхода из кризиса», «евразийской идеи» или «гражданского общества», или «духовных скреп» и т. д.) пока не удались. И дело тут, на наш взгляд, не в словах, а в «качестве» самих идей, в том, в какой степени они экономически и исторически обусловлены, как они укоренены в исторической памяти и социально-политической практике.

Заключение

Возвращаясь к вопросу об идеологических фобиях и перспективах, еще раз отметим, что идеологии не стоит бояться, во-первых, потому, что если «никакая высшая цель не влечет людей за край привычного горизонта, их целями становятся средства, а сами они из свободных людей превращаются в рабов» [Февр, 1991, с. 36]. Во-вторых, потому что, скорее всего, в основание какой-либо «новой» идеологии все равно лягут знакомые нам принципы, составляющие культурно-политический код нашего общества: идеи равенства и справедливости, стремление к мессианству, евразийские представления об особом пути, этатизм и др. В-третьих, потому, что идеология вырабатывает не столько теоретические схемы, сколько предлагает различные, порой эффективные варианты решения социальных проблем. В-четвертых, как мы уже отмечали, «потребность в идеологии есть объективная потребность, так как «идеологическое воспроизводство» осуществляется в обществе непрерывно. По мере развития общественных связей и социальных структур все формы духовной жизни общества идеологизируются. Сама идеология предстает как синтез духовно-мировоззренческого опыта. Инструментальные формы обеспечивают идеологии практический выход. Поэтому как бы ни трансформировалось общество, сила идей всегда остается неизменной» [Жукоцкая, 2009, с. 275, 260–261]. Кроме того, в культурный код общества имманентно включены философские, этические, ценностные, художественные, правовые, политические и иные идеи, поэтому представление о том, что духовная и культурная жизнь общества может быть «очищена» от идеологии — это лишь иллюзия И, наконец, главное — это принцип ответственности, который по мере развития общества занимает все более важное место в общественном сознании. Если исключить его из идеологии и политики, то следует опасаться того, что наша цивилизация обрекает себя на уничтожение. Известные социологи (Т. Парсонс, М. Вебер), специалисты по постнеклассической «этике ответственности», утверждали,

что «лучшее будущее» — это то состояние общества, которое определяется оптимальным соотношением ценностей и совершаемых во имя их реализации поступков. Другими словами, в обществе должна быть гармония между «целесообразным» поведением, «ценностным» и «целерациональным». К. Поппер, критикуя различные идеологии, в том числе и коммунистическую, не подвергал критике необходимость существования идеологии как таковой и даже предложил некий «идеологический проект», в котором идеология и этика ответственности занимали центральное место. Этот проект прост: «1. Укрепление свободы и осознание вытекающей из нее ответственности; 2. Мир во всем мире; 3. Борьба с бедностью; 4. Борьба с демографическим взрывом; 5. Обучение ненасилию» [Поппер, 1992, с. 488–489]. Идеология как интерпретация суммы различных идей, укорененных в общественном сознании, и как репрезентация политических идей в частности, всегда будет выполнять важнейшую функцию — организации социального опыта людей. Проблема может заключаться лишь в содержании этих идей и их объективации в социальных практиках.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
2. Алексейчева Е. Ю. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: кол. монография / Е. Ю. Алексейчева, В. М. Ананишнев, Г. А. Ермоленко и др. М.: Книгодел, 2021. 144 с.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Ф. Достоевского [Электронный ресурс] // Сайт посвященный творчеству Ф. М. Достоевского. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm>
4. Идеология: социальная теория и практика: монография / под ред. А. В. Жукоцкой. М.: Социальный проект, 2017. 208 с.
5. Жукоцкая А. Миф, религия, идеология: о сходстве и различиях // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2014. № 1 (9). С. 10–20.
6. Жукоцкая А. В. Феномен идеологии / Московский городской педагогический университет. М., 2009.
7. Жукоцкая А., Козловская Г. Нужно ли идеологизировать наше образование? // Актуальные проблемы образования в Азербайджане: мат-лы IV Международной конференции, г. Баку, 2012, 1–4 мая / Бакинский государственный университет. Баку, 2012. 583 с. С. 278–281.
8. Касьян А. Университет: образование и идеология (середина XX) // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 130–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-obrazovanie-i-ideologiya-seredina-xx-veka/pdf>
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. и под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
10. Сорокин П. Современное состояние России [Электронный ресурс] // Информационный портал «Питирим». П. А. Сорокин. Все о нем. URL: <https://pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia>
11. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

12. Философы обсудили российскую идеологию [Электронные ресурсы] // Российское новостное интернет-издание «Lenta.ru». 2022. 2 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/02/idea/>

13. Хилханов Д. Л., Хилханова Э. В. Проблемы трансформации культурных кодов в цифровую эпоху // Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: колл. монография / Московский городской педагогический университет. М.: Книгодел, 2021. 144 с. С. 111–120.

14. Щипков А. Реабилитация идеологии [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2022. 5 февраля. URL: <https://www.pnp.ru/politics/reabilitaciya-ideologii.html>

15. Щипков А. Реабилитация идеологии: почему России нужна национальная идея // Культурная политика. 2020. № 3.

16. Bell D. Afterword. The End of Ideology revisited // D. Bell. The End of Ideology. N. Y., 1988.

17. Boudon R. The Analysis of Ideology / Translated by Malkolm Slater. Polity Press, 1989.

References

1. *Constitution of the Russian Federation*. (In Russian). Retrived from <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

2. Alekseicheva, E. Yu., Ananishnev, V. M., Ermolenko, G. A. et al. (2021). *Digital humanities: a person in a “transparent” society*. Collective monograph. Moscow: Knigodel. 144 p. (In Russian).

3. Bakhtin, M. (n. d.). Problems of poetry by F. Dostoevsky. In *A website dedicated to the work of F. M. Dostoevsky*. (In Russian). Retrived from <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm>

4. Bell, D. (1988). Afterword. The End of Ideology revisited. In *D. Bell. The End of Ideology*. N. Y.

5. Boudon, R. (1989). *The Analysis of Ideology* (Translated by Malkolm Slater). Polity Press.

6. Febvr, L. (1991). *Boi za istorii*. Moscow. (In Russian).

7. Kasyan, A. (2005). Universitet: obrazovanie i ideologiya (seredina XX). *Higher Education in Russia*, 5, 130–136. (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-obrazovanie-i-ideologiya-seredina-xx-veka/viewer>

8. Khilkhanov, D. L., & Khilkhanova, E. V. (2021). Problems of transformation of cultural codes in the digital era. In *Digital humanities: a person in a “transparent” society*. Collective monograph (pp. 111–120) / Moscow City University. Moscow: Knigodel. 144 p. (In Russian). Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46693444>

9. Popper, K. (1992). *Open Society and Its Enemies. Vol. 2: The Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles*. (Translated from English and ed. V. N. Sadovsky). Moscow: Phoenix, International Foundation “Cultural Initiative”. 528 p. (In Russian).

10. *Russian online news publication “Lenta.ru”*. (2022. June 2). Philosophers discussed Russian ideology. Retrived from <https://lenta.ru/news/2022/06/02/idea/>

11. Sorokin, P. (n. d.). The current state of Russia. *Information portal “Pitirim”*. P. A. Sorokin. *All about him*. (In Russian). Retrived from <https://pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia>

12. Shchipkov, A. (2022, February 5). Rehabilitation of ideology. *Parliamentary newspaper*. (In Russian). Retrived from <https://www.pnp.ru/politics/reabilitaciya-ideologii.html>

13. Shchipkov, A. (2020). Rehabilitation of ideology: why Russia needs a national idea. *Cultural Policy*, 3. (In Russian).
14. Zhukotskaya, A. V. (Ed.) (2017). *Ideology: Social Theory and Practice*. Monograph. Moscow: Social Project. 208 p. (In Russian).
15. Zhukotskaya, A. V. (2009). *Phenomenon of ideology*. Moscow City University. Moscow. (In Russian).
16. Zhukotskaya, A. V. (2014). Myth, religion, ideology: on similarity and differences. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (9), 10–20. (In Russian).
17. Zhukotskaya, A., & Kozlovskaya, G. (2012). Is it necessary to ideologize our education? *Actual problems of Azerbaijani studies*. Materials of the IV International Conference, Baku, 2012, May 1–4 (pp. 278–281). Baku. 583 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, Россия, 129226,
ZHukotskayaAV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Zhukotskaya Alexandra Vasilyevna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
ZHukotskayaAV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>